

Михаил Сергеевич ДЕМИНЦЕВ

к. и. н., доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: dms-081@mail.ru

СТРАХ И ТРЕПЕТ В ВИЗАНТИИ XIII В.

В процессе становления и развития человеческой культуры эмоция страха неотступно «преследовала все великие цивилизации»¹. Однако было бы не совсем правильно воспринимать страх как нечто исключительно негативное. Напротив, исследования данной эмоции показывают полезность и социальную значимость функции страха². Хотим мы того или нет, но повседневная жизнь людей заполнена сотнями различных страхов, зачастую формирующих поведенческую модель современного индивида³. С момента рождения индивид лишен этого чувства, но со временем у каждого человека формируются страхи и фобии самого широчайшего спектра. Мы живем в мире своих и чужих страхов, и можно сказать, что страхи, таким образом, являются своеобразным маркером культуры, для адекватного понимания и объяснения которой необходимо тщательное изучение этого феномена. Нужно согласиться с тем, что путь познания духовного мира людей древних эпох ведет нас к соприкосновению с очень тонкой эмоционально-психологической сферой, проявлением которой частично является страх. В настоящее время исследователи пытаются осуществить реконструкцию картины переживаний и страхов людей, обитавших в далеком и недавнем прошлом⁴. Подтверждением тому будут недавно появившиеся интересные публикации современных ученых⁵.

Нет сомнений в том, что в Византийской империи эмоции страха отражались в зеркале христианской ментальности⁶. Действительно, Библия предлагала свой ответ на проблему человеческого страха. Отталкиваясь от знаний библейских текстов, в целом жители Византии, очевидно, имели двойственное представление о страхе и его сущно-

¹ Франкл Дж. Археология ума. М., 2007. С. 214.

² Гуляихин В. Н., Тельнова Н. А. Страх и его социальные функции // Философия социальных коммуникаций. 2010. № 10. С. 53–60.

³ Corey R. Fear: The History of a Political Idea. Oxford, 2004; Ильясов Ф. Н. Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 80–86; Найдина Д. С. Метафора в стратегиях манипулирования (актуализация эмоции страха) // Язык и культура. 2011. № 4. С. 57–62.

⁴ Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2010. С. 120.

⁵ Landes R. A. The Fear of an Apocalyptic Year 1000. Augustinian Historiography, Medieval and Modern // Speculum. 2000. Vol. 75. P. 97–145; Scott A., Kosso C. Fear and its Representations in the Middle Ages and Renaissance. Turnhout, 2002; Souza Nogueira P. A. Fear and Ecstatic Reaction to the Miracle Stories in the Synoptic Gospels // Mirabilia. Revista Eletrônica de História Antiga e Medieval. 2002. Vol. 2. P. 86–92; Tsaliki A. Unusual Burials and Necrophobia: An Insight into the Burial Archaeology of Fear // Deviant Burial in the Archaeological Record / Ed by E. M. Murphy. Oxford, 2008. P. 1–16; Facing Fear: The History of an Emotion in Global Perspective / Ed. by M. Laffan, M. Weiss. Princeton, 2012.

⁶ Hinterberger M. Emotions in Byzantium // A Companion to Byzantium / Ed. by L. James. Oxford, 2010. P. 123–134.

сти. Доказательством этого служат тексты как Ветхого, так и Нового Заветов, напрямую отсылающие читателя к пониманию дуальной сути эмоции страха. В церкви во время литургии византийцы слышали, что у человека должен быть страх Божий, или, вернее, благоговейный трепет перед могуществом Творца, его всеведением и всевидящим оком. Скорее всего, они прекрасно помнили поучительную историю о том, как первые люди начали бояться почти сразу после акта грехопадения. Так, услышав вопрошающий голос Создателя, в ужасе затрепетал спрятавшийся Адам (Бытие 3:10–11). Вместе с тем среди подавляющей массы населения Византии бытовало мнение, что данный вид страха определенно обладает положительными качествами. Священники во время проповедей наставляли свою паству в том духе, что именно страх Господень есть начало мудрости и осмысления жизни (Псалом 110:10). Трепетное отношение к Богу вселяет в человека уверенность, умиротворяет и успокаивает (Притчи 19:23). Он — это «фонтан жизни» (Притчи 14:27), который обеспечивает нам безопасность (Притчи 14:26). Наравне со страхом Господним, имеется и иной вид страха, который отнюдь не является приемлемым для человека. Речь идет о так называемом «духе боязни», который упоминается в одном из посланий апостола (2 Тимофею 1:7). Этот порочный «дух» трусости непременно укореняется в человеке вследствие его неверия или слабости веры. Византийцы были уверены, что он не от Бога, потому что он вредит человеку, с ним необходимо бороться как с грехом. Итак, страх — это грех, поэтому Библия содержит слова ободрения Богом человека, находящегося в состоянии страха (Исаия 41:10; Матфея 10:31).

Исходя из вышесказанного, становится ясно, почему восточные отцы церкви не могли обойти своим вниманием тематику страха. В этой связи следует отметить, что феномен боязни как естественной эмоции, присущей человеческой природе, обращал на себя внимание выдающихся византийских теологов и ученых. В частности, о страхе в своих трактатах рассуждали Василий Великий и несколько позднее Иоанн Дамаскин и Михаил Пселл¹.

История Византии полна драматических сюжетов. Но даже для ее столь бурной истории XIII столетие отмечено особым трагизмом. Оно прошло под знаком серьезных социально-политических потрясений. Подобно древнему Израилю, после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г., империя претерпевала свои мытарства и находилась как бы в «изгнании». На некоторое время, Никея приютила греческих патриотов, не смирившихся с латинским завоеванием. Последовавшие затем многочисленные войны за трон и наследие Константина Великого привели в конечном итоге к реставрации империи Палеологами. Триумф, однако, оказался не долгим. Начавшиеся вскоре социальные неурядицы и волнения на религиозной почве не могли пагубно не сказаться на общем психосоциальном климате населения Византии². Таким образом, сформировалась питательная среда, благоприятствующая развитию и укоренению в сознании народа различных социальных фобий. Разнообразные источники настойчиво фиксируют это состояние. На личностном уровне ощущение собственной незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне³ неизбежно развивали у византийцев неврозы, фобии и страхи, которые рассматриваются в данной статье.

¹ Kazhdan A. P. Fear // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. II. Oxford, 1991. P. 780–781.

² Барабанов Н. Д. Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII–XIV вв. // Античная древность и Средние века. 1978. Вып. 15. С. 52–60.

³ Бибииков М. В. К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезнь // Византийский временник. 1995. Т. 56. С. 57–62.

Бесспорно, что и в предшествующие времена ни один византийский автор, пытавшийся дать описание событий своей эпохи в своем сочинении, не мог обойтись без слова «страх» (φόβος). Тем не менее обозначенная проблематика, конечно, требует самого тщательного лингвистического исследования. Из имеющегося круга источников, задействованных нами¹, мы располагаем и некоторыми статистическими данными, полученными в результате компьютерного анализа текста «Истории» византийского интеллектуала Георгия Пахимера (1242–1310)². Согласно нашим вычислениям, лексема «страх» в его «Истории» встречается 163 раза. Зафиксированная информация может косвенно свидетельствовать о наличии страха как типичного эмоционального состояния и самого Пахимера, и героев его труда.

Надежда, страх и тревога всегда сопутствуют друг другу. В своих ежедневных молитвах византийцы устремляли взор к небу, надеясь получить хоть какой-нибудь намек от того, к кому обращались с мольбой. Небесный свод для византийца являлся подобием гигантского «дисплея», на котором Бог мог начертать свои послания людям в виде знамений и чудесных, парадоксальных явлений. Не исключено, что многое из созерцаемого людьми в небесной выси могло вызвать страх и удивление. Разумеется, понятные современному человеку атмосферные и космические явления далеко не были таковыми для подавляющей части жителей Византии. Кометы, солнечные и лунные затмения, метеоры, необычайной силы грозы с градом и дождем пугали суеверных византийцев. Однако, если говорить о «страхах неба», гарантированно обладающих пугающей силой, то в первую очередь к ним следует отнести кометы. Пожалуй, наиболее устрашающим объектом, наблюдаемым не только в небе над Византией, была грандиозная комета 1264 г.³ Ее появление было зафиксировано хронистами той эпохи, в том числе и византийцами, отмечавшими ее поистине жуткий вид, в то время как она «своим огнем, смешанным с дымом весьма пугала видевших ее людей» (Pachym. III, 23). По мнению современников, именно эта комета предвещала нашествие иноплеменников на Византию. Впрочем, в Византии кометофобия — явление довольно распространенное, и народная молва воспринимала этих небесных странниц не иначе как предвестников каких-нибудь несчастий и катастроф (Gregor. IV, 5)⁴. Но, как уже было отмечено, не только кометы вызывали благоговейный трепет. Мистическим ореолом веет от описания грозы, разразившейся в момент ареста патриарха Арсения Авториана. Это почти сценическое действие проходило под аккомпанемент мощных раскатов грома и сверкания необычайной силы молний в ночном небе над храмом Святой Софии в Константинополе и повергло в страх очевидцев происходящего (Pachym. IV, 8). Мрачные грозовые тучи и хлынувший сильный дождь с градом лишь усиливали устрашающий эффект.

¹ *Nicetae Choniatae Historia Byzantina* // *Patrologia Graeca*. Vol. 139; *Georgii Akropolitae Opera* / Ed. P. Wirth. Vol. 1–2. Stuttgart, 1978; *Georgii Pachymeris de Michaelae et Andronico Palaeologis libri tredecim* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1835. Vol. I–II; *Nicephorus Gregoras Byzantinae Historia* // *Patrologia Graeca*. Vol. 148.

² Деминцев М. С. Компьютерный анализ «Истории» Георгия Пахимера // Кумуляция и трансляция византийской культуры: материалы XI Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 29–31.

³ Hind J. R. On the expected return of the great comet of 1264 and 1556. London, 1848; Véron P., Tammann G. A. Astronomical Broadshets, Forerunners of the IAU Circulars // *Messenger*. 1979. № 16. P. 4–6.

⁴ Leven K. H. Emperor, comet and catastrophe — the «Justinianic» plague and the end of antiquity // *Praxis*. 2008. Vol. 97. P. 1287–1291.

К разряду подобных феноменов также следует отнести солнечные затмения 1255 и 1267 гг., наблюдавшиеся жителями Византии. В первом случае данное событие служило символом кончины очередного императора, а во втором — затмение Солнца предвещало несчастья для государства (Gregor. IV, 8). Несмотря на то что византийские астрономы в целом имели довольно точное представление об истинной природе как солнечных, так и лунных затмений (Асгор. XXXIX)¹, массы простолюдинов естественно испытывали сильный стресс от созерцания непостижимым образом поглощаемых мглой небесных светил.

Из природно-климатических явлений, особенно страшивших население Византии, можно назвать аномально холодную зиму 1232 г. Внезапно наступившая жестокая стужа в сочетании с обрушившейся снежной вьюгой унесли тогда жизни 300 человек из состава византийского войска, на свою беду оказавшегося на пути у разыгравшейся стихии (Асгор. XLI).

Еще одной стихией, вызывавшей у византийцев чувство почти суеверного страха, была вода. Для населявших Византию народов море было не только источником пропитания, защиты и торгового процветания. На самом деле, морские просторы воспринимались византийцами как нечто враждебное человеческой природе², и этот страх отчетливо прослеживается и рассматриваемую нами эпоху. Воображению рядового жителя Византии морские глубины представлялись населенными разными чудовищами и невиданными монстрами, казалось, вышедшими из самой преисподней. Соответственно, море представлялось в образе дьявольской стихии и уже только исходя из этого к нему следовало относиться с опасением. К тому же передвижения по воде были связаны с большим риском не только потому, что прибрежные территории и острова изобиловали пиратами, встреча с которыми не предвещала ничего хорошего. Опасность подстерегала еще и потому, что шторм или цунами грозили гибелью византийским кораблям, не обладавшим особой прочностью. Мореплавание в Средиземном море было в основном каботажным, поэтому темное время суток предпочитали проводить не в открытом море, а на суше. Не случайно, «величайшим ужасам» на море подверглись члены посольства к опальному патриарху в 1265 г. (Pachym. IV, 16). Источником упомянутого пережитого «ужаса» стало сильное ночное землетрясение, обрушившее прибрежную скалу в залив, который был затоплен огромной приливной волной. Находившиеся в тот момент на берегу члены делегации едва избежали гибели в водах этой разрушительной стихии.

Немалым поводом для зарождения боязни были потрясения политического свойства. К ним можно причислить вражеские нападения и мятежи. Страх смерти и утраты здоровья или имущества был непременным спутником слухов о мнимой или реальной военной угрозе. Общество жило ожиданием нападения многочисленных воинственных соседей Византии, которые действительно тревожили границы государства. Население захваченного византийскими войсками в июле 1261 г. Константинополя было объято паническим страхом. Современники живописуют картины

¹ *Ибатуллин Р. У.* Аммиан Марцеллин о солнечном затмении 360 г. н. э. // От древности к Новому времени (Проблемы истории и археологии). Вып. 7. Уфа, 2005. С. 13–18; *Theodosiou E. T., Manimanis V. N., Dimitrijević M. C., Danezis E.* Nicephoros Gregoras: the greatest Byzantine astronomer // *Astronomical et Astrophysical Transactions: The Journal of the Eurasian Astronomical Society.* 2006. Vol. 25. P. 105–118; *Idem.* The Greatest Byzantine astronomer Nicephoros Gregoras and Serbs // *Astronomical Observatory Belgrade.* 2006. № 80. P. 269–274.

² *Dennis G.* Death in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers.* 2002. Vol. 55. P. 1–7.

попыток спасения жителей города от насилия вторгнувшихся войск. В городе возник сильный пожар, и люди, подобно «пчелам, выкуриваемым дымом», покидали свои дома и полураздетые искали места спасения (Pachym. II, 28). Одни пытались укрыться в монастырях, поспешно обрядившись в монашеское платье, а женщины в страхе находили укрытие в расселинах городских стен и иных потаенных местах (Асгор. LXXXV). В данном случае страх вырвался наружу в виде криков, обильного плача, стенаний, хаотических метаний по городу обезумевших людей. В таком виде его и зафиксировала стандартная описательная модель, характерная для византийских хронистов. Довольно схожий риторический прием использовал историк Никита Хониат при изложении им событий падения Константинополя в 1204 г. (Nic. Chop. 947–966)¹. Его рассказ о бесчинствах латинян в отношении местного населения изобилует эпическими мотивами, сильными эмоциями и словно вот-вот готов перейти в форму типичного плача-треноса.

В то же время и мнимая угроза могла породить не меньший апофеоз панического ужаса. Обратимся к еще одному, поразительному факту, охарактеризованному Г. Арнакисом как «великая паника в Никее»². Как и в описании предшествующего события, в нем явно просматриваются апокалипсические мотивы. Похоже, тут мы имеем дело с весьма специфической реакцией населения на угрозу монгольского вторжения. В самом деле, одним из племен, повсюду сеявших страх, были монголы³. При одном только имени этих кочевых народов, нередко отождествляемых с племенами Гог и Магог, могла начаться натуральная истерия, способная перерасти в хаос. Что касается собственно Византийской империи, то подобные настроения косвенно можно объяснить беспокойной ситуацией в Малой Азии. В отношениях Византийской империи с монгольской династией Ильханов в 60-х гг. XIII в. мы наблюдаем некоторую напряженность⁴.

Итак, то, что произошло в столице Вифинии Никее в марте 1267 г. мы узнаем из рассказа Пахимера. Монгольской армии и близко не было у границ Византии. Поводом к панике послужили стенания и плач никейских женщин во время молитв о заступничестве от монголов перед иконой Богородицы. Воплей небольшой группы молящихся оказалось вполне достаточно, чтобы запустить настоящую эпидемию панического страха среди населения Никее, поддавшегося иллюзии вражеского нападения. Охвативший горожан ужас был так силен, что некоторые в страхе пытались найти убежище в склепах и гробах. Спасая свои жизни, стражи городской тюрьмы оставили свой пост, чем не преминули воспользоваться заключенные, сбежавшие из своих камер. В тот день страх стал источником не только слуховых, но и зрительных галлюцинаций. Нашлись люди, искренне уверявшие, что своими глазами видели татарских всадников, скачущих по городским улицам (Pachym. III, 28). У исследователей психологии народных масс, похо-

¹ Афиногенов Д. Е. Рассказ Никиты Хониата о падении Константинополя: некоторые замечания о стилистической структуре // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): тезисы докладов XVII Всероссийской сессии византинистов. М., 2004. С. 13–14.

² Arnakis G. The Names of the Months in the History of Georgios Pachymeres // Byzantinisch Neugriechische Jahrbuche. 1945/1949. Vol. 18. S. 152.

³ Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 1–16.

⁴ Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 428–473.

жий феномен классифицируется как проявление так называемой циркулярной реакции, возникающей в толпе психологически и эмоционально готовой к развитию событий именно по такому сценарию¹.

Не менее любопытна и реакция властей на случившееся в Никее. По этому поводу император Михаил VIII Палеолог направил жителям города послание, в котором он раскритиковал их за опрометчивое поведение, призывая впредь быть более осмотрительными и подобного не допускать². Однако стоит отметить, как незадолго до вышеописанных событий ему самому, застигнутому врасплох, пришлось спасаться от монгольской облавы посреди фракийской степи. Обратившись в беспорядочное бегство, император и его свита были настолько испуганы, что во время погони даже холмы и одиноко стоявшие деревья принимали за своих преследователей (Pachym. III, 25).

Серьезным источником страха для византийцев в изучаемое время могла быть и социальная нестабильность. Бродяжничество, разбой, криминал были типичными и вызывали чувство незащищенности и, следовательно, страха. Византия тех времен представляла собой уже довольно слабое государство, которое, вероятно, не могло обеспечить надежной защитой своих граждан. Как и в наше время, страх перед насилием со стороны криминала вызывал чувство немалого беспокойства у византийцев. Отправляясь по своим делам, житель Византии подвергал себя опасности со стороны разбойников³ или пиратов, которыми, как мы уже говорили, изобиловали прибрежные воды и острова⁴. Населенные пункты в этом смысле были не менее криминогенными. Грабежи, драки, поножовщина были нередкими на улицах и площадях поздневизантийских городов (Pachym. V, 30). Страх перед разбойным нападением мог быть причиной срыва очень важных мероприятий, таких как посольства ко двору правителей иностранных государств. Подобное фиаско претерпела миссия византийских дипломатов ко двору сербского короля Стефана Уроша I (1243–1273)⁵. Ограбленные по дороге местными жителями, испытывая сильнейший страх перед разбойниками, послы византийского василевса безрезультатно вернулись в Константинополь.

Кроме всего перечисленного, сюда также следует добавить и боязнь доносов, информация о которых содержится в источниках. Ярким примером является бегство Михаила Палеолога, опасавшегося ареста со стороны властей, в турецкие владения⁶. Именно страх перед арестом и расследованием с применением пыток заставил его бежать за

¹ *Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб., 2001. С. 61–69.

² *Dölger F.* Regesten der Kaiserkunden des ostromischen Reiches. Bd. III: Regesten von 1204–1282. München, 1972. S. 50.

³ *Bartusis M. C.* Brigandage in the late Byzantine Empire // *Byzantion*. 1981. Vol. 51. P. 386–409.

⁴ *Charanis P.* Piracy in the Aegean during the reign of Michael VIII Palaeologus // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves*. 1950. Vol. 10. P. 127–136; *Колотова О. Е.* Византийский флот и пиратство при императоре Михаиле VIII Палеологе (1261–1282) // *Античная древность и Средние века*. 2011. Вып. 40. С. 302–312.

⁵ *Нуждин О. И.* Византийско-сербские отношения во второй половине XIII в. (1261–1299) // *Из истории и культуры Средневековья*. СПб., 1991. С. 130–139.

⁶ *Апанович О. С.* К вопросу о должности кундастабла у сельджукидов Рума в XIII в.: кундастабл руми и Михаил Палеолог // *Византийский временник*. 2007. Т. 66. С. 171–192.

границу¹. Как покажут дальнейшие события, опасения его оказались не напрасными, так как ему пришлось все равно предстать перед судом и пережить немало тревожных моментов².

Итак, мы можем заключить, что распад империи 1204 г., вероятно, нанес глубочайшую психосоциальную травму и обрел форму своеобразного «шрама на теле» исторической памяти христианских народов греческого Востока. Впечатляющий крах начала столетия многими переживался как исключительное унижение, Божие наказание за грехи людские, которое следовало искупить в будущем. За годы «никейского скитания» общий настрой подавляющей массы населения Византии по отношению к латинянам, за некоторыми исключениями, отличался тенденциозностью. Неприязнь и непонимание еще более усугубляли страх «инога», в данном случае латинян. И хотя имелись исключения, очевидно, что чувство взаимного раздражения со временем только нарастало. Восстановление Византии при Палеологах в определенный момент несколько нейтрализовало этот невроз, но только лишь затем, чтобы вскоре погрузить общество в состояние новой депрессии, вызванной насильственной церковной унией и ересью арсенитов. В то же время страх генерировался из источников иной природы. Как и прежде, спусковым крючком для нагнетания коллективных фобий у византийцев были аномальные природные явления, политические и социальные катаклизмы.

¹ *Коробейников Д. А.* Михаил VIII Палеолог в Румском султанате // Византийский временник. 2005. Т. 64. С. 77–98.

² *Czebe G.* Studien zum Hochverratsprozesse des Michael Paläologos im Jahre 1252 // Byzantinisch Neugriechische Jahrbucher. 1931. Bd. 8. S. 59–98.